

- Александрийский университет имени Сенгора, где готовят управленческие кадры стран Африки.

- Парламентская ассамблея Франкофонии, которая курирует вопросы, связанные с работой Постоянного совета, Саммита и Конференции министров Франкофонии.

Международная ассоциация мэров франкоязычных городов, между которыми ведется сотрудничество в сфере управления и городского развития.

- TV5MONDE – международный канал, транслирующийся на французском языке.

Французские образовательные центры существуют в разных странах, в том числе и в Беларуси. Франко-белорусский центр европейских исследований применяет программы по обучению белорусов во французских университетах, а также при французском посольстве проходят не только курсы по изучению языка, но и проводятся круглые столы и лекции на актуальные темы.

Франкофония стала отличным рычагом влияния Франции в мире, являясь инструментом «мягкой силы», а также признана альтернативой устаревшей колониальной системе как более новый и демократичный способ взаимодействия. Получив такую возможность, развивающиеся страны стремятся к сохранению теплых отношений с Французской республикой, чтобы делиться опытом, получать поддержку от развитого государства, а также быть членом крупной международной организации и принимать участие в процессе интеграции.

Литература

1. Une histoire de la Francophonie [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.francophonie.org/une-histoire-de-la-francophonie-23>. – Дата доступа: 03.04.2021.

2. Франкофония – пространство для многостороннего сотрудничества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/francophonie-et-langue-francaise/la-francophonie-espace-de-cooperation-multilaterale>. – Дата доступа: 04.04.2021.

Исторические корни психологии самурая

*Гуцевич А. В., студ. IV к. БрГУ им. А. С. Пушкина,
науч. рук. доц. Бодак А. Ю., канд. ист. наук, доцент*

Зарождение дзенского начала в японской культуре происходит с проникновением в страну буддизма, который практикует различные формы и направления своего учения [1].

Чтобы достигнуть «просветления» в дзен-буддизме, существует практика коан (на кит. – гуньань), что буквально означает «высказывание», «сказанное вслух». Как способ приобретения «пробуждения», оно возникло в Китае, а затем проникло в Японию. Суть метода: ученик в течение нескольких часов находится в состоянии мысленного и эмоционального напряжения. Чтобы не потерять свое состояние, ученик произносил постоянно фразу «Му». А тем временем наставник ведет с ним непрерывную беседу, в которой загадывает загадки и задачи (ложные или истинные). Ученик отвечает жестами. Цель медитации – вывести на истинный путь ученика, в результате чего тот становится «пробужденным», свободным, в буквальном смысле «парящим как птица». После «пробужденный» испытывал радость, гармонию с космосом внутри себя, произносив лишь иероглиф «Ка». Но происходило это при одном условии: ученик должен был сам вести себя к этому пути, то есть к нему стремиться, желать и стараться, а учитель всего лишь направлял его на этот путь [1].

Дзен-буддизм стал основой для японцев не только при обучении боевым искусствам, но и сформировал определенную психологию, свод правил поведения (мораль), ценностей для истинного самурая, которые были закреплены в кодексе – бусидо. Воинов, которых власть императора удерживала для собственной защиты, именовали «буси», то есть принадлежавшие к высшим слоям общества. Как и в Китае, так и в Японии необходимыми составляющими облика являются два начала – ученость (например, чтение умных книг и трактатов) и военное искусство. Самураи со всей серьезностью относились к своему высокому предназначению. Отличительный атрибут самурая – усы. На Востоке существовала традиция, если воин погибал в бою, то противник, дабы удостовериться, что тот не является женщиной, отрезал усы с носом. Данный атрибут был показателем мужественности самурая [1; 2; 3].

Одним из составляющих правил бусидо является верность господину, клану и семье. В воспитании самурая в японском обществе использовалось сильное чувство привязанности к семье и верности традиции, в особенности среди высших сословий. Во всем господствовал китайский дух поклонения предкам. Семья, а вместе с ней и ее роль в обществе, род занятий и прочее, считались священным наследием, что заставляло сына – особенно старшего – идти по стопам отца. С раннего детства мальчика и девочку отделяли, распределяя в разные части дома. Воспитанием мальчика занимались исключительно мужчины. В нем поощряли смелость и отважность. В младенчестве ему не рассказывали страшных сказок, так как считалось, что таким образом рождались страх и неуверенность. Его обучали хорошим манерам вежливости и уважения в общении со старшими по возрасту и высшими по рангу (господину). С пятнадцати лет всех мальчиков из самурайских

семей в обязательном порядке периодически водили смотреть судебные казни. Процесс казни осуществлял палач, которого называли кайсяку. На казни мальчику предоставлялась возможность поучаствовать (т.е. стать кайсяку), чтобы отсечь чувство сострадания, жалости, страха, нерешительности. Считалось, что именно эти качества выражают трусость и мешают воину следовать Пути бусидо. Если здесь проявить смелость, то и в бою будет легче. Также обучали правильно ступать ногой при ходьбе, что показывало особое положение самурая в обществе. В отношении воспитательных методов родители должны руководствоваться принципом умеренности, равновесия по отношению к мальчику и девочке. Только лишь в крайнем случае (тотального непослушания) могли прибегнуть к жестким методам (лишению полноценного рациона пищи, предварительно посадив ребенка в изолированное от внешнего мира помещение и давая изредка хлеб и воду) [2; 3].

Согласно вышеуказанному, мужчине следует вести себя почтительно с вышестоящими и не допускать пренебрежительности и надменности по отношению к нижестоящим. Опоздавшего человека необходимо выслушать, так как согласно японскому обычаю он хочет донести причину своего опоздания. Спрашивать, заранее зная ответ на вопрос, считалось вежливостью, а спрашивать, не зная, – необходимостью. Лучше всего было оставаться сдержанным и немногословным, ибо слова часто приводят к ссорам. Доказывая свою правоту и настаивая на своем решении во время затяжного спора на повышенных тонах, самурая разрешалось перекричать собеседника. Говорить можно было лишь тогда, когда это являлось необходимостью. Лицо воина должно было быть ясным, излучать состояние гармонии внутри него. Для этого давали совет: «Неплохо было бы всегда иметь при себе румяна на тот случай, если у тебя бледное лицо, когда ты слишком много выпил или не выспался» [2; 132]. Во время болезни самурай должен был проявить мужество и терпение, не произносить стоны при болях. Самурай, если его оскорбляли (и/или высмеивали), задевая таким образом честь, должен был взяться за меч и убить негодяя. При определенных обстоятельствах он просто обязан был отомстить за смерть одного из членов семьи, дабы спасти свою честь и честь рода. Если не делал этого, то мог утратить высокое звание и навлечь позор на семью. Поэтому имел право вполне легально преследовать человека, нанесшего ему обиду. В те времена, если на дуэли самурая смертельно ранили, он обязан был совершить сэппуку, чтобы не доставить хлопот своим родным. В отношении ведения диалога, например, существовало следующее изречение Цунэтомо: «Если нужно что-то сказать, говори без промедления. Если ты будешь говорить позже, люди подумают, что ты оправдываешься. Более того, иногда нужно ошеломить собеседника своей речью. В дополнение к уместно сказанному

слову, ты одержишь высшую победу, если сможешь научить своего собеседника чему-то полезному для него. Так нужно действовать на Пути» [2; 200]. Каждую ночь самурай должен был засыпать с мыслями о том, как его пронзают лезвием меча (мечей), протыкают тысячью стрел и тому подобное. То есть, в нашем понимании, подлинный самурай жил так, словно он был уже мертв [2; 3].

Честь и гордость стояли на первом месте в личных качествах самурая. Как мы видим, в японской культуре дзен-буддизм нес идею отсутствия понятий «жизнь» и «смерть». Поэтому обязательной задачей самурая было «просвещение» себя, то есть постижение философии смерти. Таким образом он должен был стать смелым, решительным, отважным в бою. Это объяснялось тем, что для него вышеуказанные понятия отсутствовали. Он должен был думать о смерти (в нашем понимании мироустройства) каждую секунду в мирное и военное время, а также о том, чтобы не опозорить себя, семью, господина и клан. Считалось, если человек имел представление о жизни и смерти в бою, на татами (в обучении боевым искусствам), в поединке за честь и справедливость (в мирное время), то начинал сомневаться в своем решении. «Решайся, а решившись, не думай!» – гласит японская мудрость. Подлинный самурай должен был принять решение в течении «семи вздохов». Самурай, который принимал решение довольно долго, не мог считаться самураем, так как сомневался, а значит, не был уверенным [2; 3].

Достойная смерть могла быть только в трех случаях: гибель в бою, болезнь или от сэппуку. Борьба за честь и справедливость занимала особое место в жизни самураев. Считалось, что бороться в одиночку – глупая затея, так как это затрачивает силы и зачастую бесполезно. Присутствие сильных коллективных отношений предписывало им прислушиваться к советам и мнению других людей [2; 3].

В период Токутава церемония все более становилась ритуалом, так как требовала соблюдения множества правил и условностей. Для осужденного устраивался прощальный пир, подносили его любимые блюда, трапеза сопровождалась неторопливой, дружеской беседой, каждый участник церемонии должен был быть одет в официальное платье. На шею осужденного наносились три точки, обозначающие место удара для кайсяку [1].

Для совершения сэппуку существовал официально принятый обряд. Приговоренного к смерти содержали в доме его господина под охраной. Обычно для сэппуку готовили комнату, иногда этим местом становился буддийский храм, мог быть сад, внутренний двор. В процессе участвовал осужденный (который перед этим принимал ванну и облачался в белую одежду, как показатель его чистой души), чиновники и судья. Присутствовали при этом ритуале также официальные лица – свидетели и кайсяку, который

в заключительный момент отрубал осужденному голову. Роль последнего считалась очень важной. Кайсяку становился опытный самурай, хорошо владевший мечом и имевший стальные нервы. Во время обряда рядом с кайсяку находился помощник для предотвращения возможных оплошностей. Обряд совершался один раз. Следовательно, попытка одна, поэтому ошибиться было нельзя [1].

Сэппуку отличается от обычного обезглавливания тем, что приговоренный к смерти сам убивает себя. Процесс вспарывания живота означал высвобождение души из тела. В определенных случаях (особенно при Токугава) кайсяку наносил смертельный удар сразу же, как только осужденный наклонился за кинжалом. Им было позволено избежать ненужной боли (вспарывание живота сопровождается муками). Высшей честью считалось, если самурай не скорчит во время процессии лица и не издаст ни единого звука [1].

Но все же идеалом должна быть добровольная смерть. Только она позволяла человеку смыть нанесенное вышестоящему лицу оскорбление или преступление. Подобного рода пример побуждал господина к нравственному поведению [1].

Подводя итоги исследования, можно говорить о том, во-первых, из японского мужчины воспитывали максимально духовно-психологически и физически мудрого, надежного, подкованного идеей войны самурая для сёгуната – правящей элиты (меньшинства). Самурай был человеком того периода развития японского общества, когда знали лишь один метод в искусстве государственного управления для решения насущных внутренних (публичная политика) и внешних (дипломатия) политических вопросов – это силовой. Во-вторых – способы подчинения и управления общественным сознанием большинства (народа), изобретенные организованным меньшинством (сёгунатом). Следовательно, отсюда вытекает третье – способы организации общества и его политического пространства в жестких природно-климатических условиях Японских островов, заставлявшие людей консолидироваться. И, наконец, в-четвертых – естественно выработавшиеся традиции и быт жизни японцев в этих условиях способствовали развитию у них своеобразной психологии.

Литература

1. Уинстон, Л. Кинг. Дзэн и путь меча. Опыт постижения психологии самурая / Кинг Л. Уинстон. – Евразия. – Санкт-Петербург, 2002. – 320 с.
2. Цунэтомо Ямамото. Хагакурэ. Книга самурая / Ямамото Цунэтомо. – Северо-Запад Пресс. – Санкт-Петербург, 2003. – 180 с.
3. Сохо Такуан. Самурай. Путь воли и меча / Такуан Сохо; пер. на рус. язык Р. В. Котенко, А. А. Мищенко, А. А. Петров. – АСТ, 2018. – 416 с.